

В.Кучерявкин

ИЗ ЦИКЛА: "Мечты в полупустыне"

Х Х Х

Шевелится нога во сне,
Трамвай поехал на свою работу,
Тряся моими стеклами. Китаец
Как будто побежал за горизонтом,
Кивнул, посorшился, и вот
По крышам задрожало солнце,
Волнуя крыши прекрасный бараган,
Который молится своим богам. А небо —
Что ветеран в толпе с плакатом в день Победы.
Зачем проснулся? Лучше б спал да спал,
Глядя на воды под мостами снов,
Бежал багдадским вором бы, взлетал
Над странным и немыслимым развалом
Своей мелькнувшей рожи, словно
По мозгам провели какой-то тряпкой,
Потом по ним прошел некий слепой,
Стуча и щупая прекрасной палкой,
И вот они — как бы подснежник,
Прекрасной сорванной рукой, прекрасным носом
Вдыхаемый и окруженный взором
Таким, что сердце стало соловей...
Вот так лежу. А за далекой стенкой
Далекий раздается где-то храп.

Х Х Х

Вон дома мимо окон бегут, пропадая,
Автобус качает на ямах, как будто он челюстью ест,
На соседнем сиденье какие-то люди болтают,
И газета в руках скалит зубы про будущий съезд.
Или это прошедший, не помню, когда ренегатов
Положили, чтоб поезд по рельсам прошел,
И они извивались, как тонкие чудные гады,
Сказавши ~~жинки~~ публично в лицо: "хорошо!"
Скорость около ста. Города как от смеха дрожали,

Когда шли эшелоны с глазами в щелях на восток,
И какие-то, ангелы вроде, ночами кружили,
Не чуя совсем от сомненья ни крыльев, ни ног.
Эх, газета! Рассказывай каждому вору
Про такие дела, про усы, где свистел Днепрогэс,
Я ж пока что запрячусь за кресел дрожащим забором,
Чуть выглядывая на тебя из прищуренных глаз.

Х Х Х

Когда гляжу ли я задумчивым наганом,
Смеюсь когда ль свирепым писом,
А то сбегусь я мыслей всем кагалом
И сам себе предстану молодцом,
То ль про Охапкина пишу сбирая брови,
А то **дежу**, не глядя в потолок,
Но слышу, как бежит, спеша по крови,
Грязных чувств прекрасный ток,
Очнусь, пройдусь ларьками прохладиться,
Встречая самых неожиданных идей...
Ах, как же угораздило родиться! —
"Как отраженье в неожиданной воде!"

Х Х Х

Грузовик не уйдет без следа,
Он придет и спокойно расскажет,
Как больно закипает в радиаторах вода,
Иль на спине лихая едет кража.

Мечты, мечты, где ваши полустыни,
Когда разденешься в своей коробке,
А там вода кричит в далеком кране,
Или из глаз свисает подлинная тряпка.

И ты, желая что-то уоконшить,
К стене, раскрывши рот, как бы прикладываешь ухо,
А там иначе: радио рокочет,
И одинокий взгляд, и в горле сухо.

Х Х Х

Мосты повисли над водами,
Казалось, было так всегда,
Но странными восточными во сне годами
Вдруг исчезали города.
Я закрываю сонный глаз над сонным Петербургом,
Где ветер осенью казаком в бурке
По крышам медленно скакал, нахмурясь,
И солнце вдали за ним смотрело, щурясь.

Так мирно и торжественно бежал,
Рождая с каждым облаком пожар.

А предо мною крытые железом крыши
Лежали стадом сдохнувших баранов,
Но кто-то, прячущийся выше,
Казалось, мне шептал, что рано.

Х Х Х

Луна застыла в небе, снова поплыла.
Мы были тихим и, вообще-то, добрым парнем.
Ты помнишь, дернул за шнуры в колокола,
Но оглянулся — вот стоишь в овчарне.
Но в душах синева — и крылья понесли,
Однако кто-то там, в Кремле, тоскует,
И все ж великолепных вод прилив
Плынет меж наших глаз и никого не критикует.
Вот встали на колени. Год за годом шел,
Далеко Бог завис, крылом гоняя воздух,
Но рук подвижный частокол
Ходил меж звезд... И раздувались ноздри
Там, где-то далеко, что ли в горах,
Кищели пули в телесах почти убитых,
Бегущих друг на друга, храбрый, храбрый прах,
Еще не до конца смешными крыльями накрытый.
И я, увидев столько славных тел,
раскрытых, точно ящик, сам куда смотрел,
Лежал луной в окне или бежал пустой каретой.
Да, гонит время прочь... к ответу...

III.

ИЗ ЦИКЛА: "С т е н а в г р у д и"

Иногда вспоминаю армию

Какие-то брови вразлет, как кинжалы,
Какие-то руки в кармане дрожали,
Полковник застыл, будто плюнул в сердцах на морозе,
Там и остался лежать перевернутой книгой.
Стираем тельняшку, завистливо смотрим
На сигареты товарища в белой рубахе,
Мундиры далёко сверкают на солнце,
И чешутся ноги, как будто бежит муравейник.
Потом бредешь, просыпаясь в зарослях пота,
И кружится комната, полная сна и дыханья...

В очереди поликлиники

Голодранец пошел, но серьезный работник!
Засыпал я с очками на красном носу,
И вставал, просыпаясь, красный разбойник,
И ходил, озираясь и страшно шевряя косу.
Так сидел на скамейке я в регистратуре,
Где старушки толкались к окошку за место,
И гудела вся очередь, словно базар где-нибудь
в Раджапуре,
И сияла высокая лампа далекой невестой.
Рядом кашлял какой-то в енотовой шапке,
Горизонт раздвигая мне в сонные очи,
И другая старушка, похожа на тряпку,
Становилась во тьме всё бледней и короче.
И очередь бодро стоит, начинаясь за дверью,
И готова хоть тут же в далекий полет,
Лишь ходит, задумавшись, тот, чуть похожий на Бермю,
И порой мне загадочным взглядом чего-нибудь шлет.

Х Х Х

Горит зачеркнутой стеной вокзал,
Снимают председателя с постели,
В очах застыла укоризненно коза,
И после выстрела зампреды полетели.
Потом проснешься — голое окно,
Потом куда-то бродишь в полумраке,
И, будто надает на голову бревно,
В глазах мелькают сваренные раки.
Гигантский свод, раскрывши губы,
Сверкая, зренье поломал
Волнами света, призрачная баба...
И вот летят куда-то к черту чудные дома!

Х Х Х

В ГОСТЯХ

Кричат, и хлопают, и веселятся,
Вошел, гремя двойными сапогами,
Перешагнул, где тщились на полу валяться,
Как те, кого серьезно обругали.
Прошел какой-то тонкий парень,
Похожий на старинный анекдот,
В углу застыла друг на друге пара,
Как долгий утром на завод гудок.
И я прилег, налил немного кофе,
И снял пиджак, и два плеча расправил,
Как бы внутри, так сказать, батискафа,
Чьих мимо окон колыхались травы.
Тарарапа тарарапа тарарапа,
Тарарапа тарарапа тарараполь,
Другой ко мне подсел, как за лекарством,
Но позабыл сказать в лицо пароль.
Динамик завертел каким-то львиным маршем
Вокруг стола, снимая сапоги...
И кто кого надрал, кто вышел старше,
Расскажут только разве что враги.

III.

Воспоминание с клопами

Лежал, тяжелый от укусов,
Но вдруг услышал скрип, и дверь
Раскрылась, а за ней сверкнули бусы,
И прынула улыбка, точно зверь!
И я после разгрома вдруг воспрянувшей дружиной
Узнал головокруженье Ваших тонких рук,
И дрогнула и напряглась пружина,
Лишь Ваши пальцы начали игру.
Весеннею капелью зазвенели кости,
И спрятались в углах слепые стены,
И розы на щеках прекрасным гостем
Цвели, и на губах кипела пена!

В вагоне

Колеса скрипели, качался вагончик,
И солнца за лесом остался лишь кончик,
И сон опустил меня где-то на дно,
Как мокрое в речке бревно.
Я бился мозгами, куда-то слетая,
И щустро газета, лицом прямо святая,
Мне все рассказала, кивая и блея,
Мол, образ какого-то в мире еврея!
Я выстроил стену в груди, как китайцы,
Потом побежал на милицию зайцем,
И тот, кто кого-нибудь ловит и бьет,
Бежал от меня, как от пули народ.
Вот сел в кабинет, понаставил матросов,
Крутили усы, задавали вопросы
И чистили оба мои сапога —
Я стал, как седые у Рима бога.
Но, что характерно, бежав от картины
Боёв, засверкали с портретов кретины.
И башня звенит... Ну а я наверху...
Проснулся на полке, чесался в паху...

Хренов

Ты прибежал, сжимая пять рублей,
Сам как мечта, готовая сказать мне "здравствуй!"
И мы пошли через темную аллею
И стали с ней одно тёмное братство.
Аллеи, о! И улица! Седой башмак отеля -
Мы сели в лифт, на нем влетели
В набитый немцами буфет
И с полками, набитыми бутылкой и конфет.
О Хренов мой! Махнул небрежно ты пятеркой -
И вот шампанское по горлу, словно терка!
Гори, гори два глаза под очками!
Сверкай немецким девушкам клыками!
И я поплыл, нечесан, бородат,
Мозгами многолюдный, точно взвод солдат.
Сидим с тобой и пьем бокалы,
И машем вольными руками,
А может, все-таки пойдем, а то милиционер
Уже стоит на входе, словно сэр.

х х х

Когда пришел в райком я, паразит,
И говорят со мной стальными голосами,
Я как бы сразу ухожу в транзит,
Себя в душе облив горячими слезами.
Но что! Я тут сижу в приемной
На красном человеческом диване,
Как от питания отключенный приемник.
Ничем собой я не напоминаю вана,
который у себя чиновников шерстит
Часов, наверно, до шести.

Х Х Х

Гуляя по земле, где попадется,
Готовый всякому кричать: "здраво, братцы!"
Я шел по коридору собственной квартиры,
Звения в наполненной авоське стеклотарой.
Пустая лестница напомнит Иоанна,
А лифт скрипением — любовного дивана,
И я скажу себе в парадной, мол, "не трусь!"
Еще жива, пожалуй, наша Русь".
А на Зеленина в приемном пункте пусто,
Приемщик погружен в Марселя Пруста,
И получив с него монет звенящих горсть,
Я снова сам себе хозяин, а не гость.

Х Х Х

Случается, как если бы медведь пришел побриться,
А вышел сам козел с набитой мордой,
И пальцы все дрожали, словно братцы,
Которыми оттуда правят твердо.
Приятно на балконе быть зарядке
Или висеть товарищем в цеху,
Но вот открыл свою тетрадку
И вспомнил, что об этом наверху
Давно запели радостную песню,
И с каждой нотой всё заглядывают выше,
Покуда зеркало души не треснет
До самой лба тяжелой крыши.
О, что бы ни сказал запретный Вася
В груди мне возле Финского залива,
Я не пойду сидеть за ихней кассой,
И помню исчезающее слово.